

И. Р. ЛАВРЕЦКИЙ
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ *
«БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК»

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

«Первое и основное условие партизанского движения — абсолютная тайна».

Эрнесто Че Гевара

14 марта 1965 г. Эрнесто Че Гевара возвратился в Гавану после длительного пребывания за границей. Его не было на Кубе свыше трех месяцев. 9 декабря 1964 г. Че вылетел из Гаваны в Нью-Йорк, где находился восемь дней, участвуя в очередном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. 17 декабря он покидает США и летит в Алжир. Затем направляется в Мали, оттуда — в Конго (Браззавиль), Гвинею, Гану, Дагомею. Затем снова в Алжир и через Париж — в Танзанию. Из Танзании — в Каир, из Каира опять в Алжир и вновь в Каир. Затем Че возвращается в Гавану, где в аэропорту «Ранчо Боерос» его встречают Фидель Кастро, Освальдо Дортикос, другие партийные и государственные деятели, а также жена Алейда Марч.

Зарубежная поездка Че широко освещалась в кубинской печати. Че произнес речь на Ассамблее ООН, выступил по американскому телевидению, дал интервью американским журналистам. В Алжире принял участие во II экономическом семинаре Организации афро-азиатской солидарности, в других африканских странах встречался с официальными и общественными деятелями, журналистами.

Разумеется, столь длительное пребывание Че в африканских странах преследовало определенную политическую цель. Че стремился установить прямой контакт с деятелями африканского национально-освободительного движения, чтобы наметить пути его сплочения и объединения с подобными же движениями Азии и Латинской Америки в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма. Здесь, в Африке, он вплотную знакомился с методами партизанской борьбы. В первую очередь, разумеется, Алжир представлял в этом отношении яркий пример: партизанская война алжирских борцов за независимость в конце концов вынудила Францию покинуть эту страну, как война вьетнамских патриотов заставила ранее ту же Францию убраться из Вьетнама. Обнадеживающе выглядела ситуация и в бывшем Бельгийском Конго, где с момента убийства Патриса Лумумбы не прекращались партизанские действия его сторонников. Разгоралась партизанская борьба в португальских колониях Африки.

Всюду появлялись новые лидеры, объявлявшие войну колониализму. Они создавали партии, движения, партизанские отряды и целые армии. Им казалось, что достаточно начать действовать, стрелять по противнику, как движение станет нарастать подобно лавине, пока не погребет под собой колонизаторов. Искреннее желание сражаться, фанатичная вера в грядущий триумф священного дела, которому они служили, готовность отдать за него жизнь, — как все это напоминало то, что происходило в Латинской Америке и было так хорошо знакомо и близко министру промышленности

* О молодых годах Эрнесто Че Гевары и его участии в партизанской борьбе на Кубе в 1956—1958 гг. см. «Новая и новейшая история», 1971, №№ 5, 6; 1972, № 1.

революционной Кубы. Ему казалось, что в дебрях Африки он нашел подтверждение своего тезиса о магической силе партизанских методов борьбы. В тот период в ряде стран Латинской Америки — Гватемале, Колумбии, Венесуэле, Перу — действовали партизанские отряды. Однако успехи их были невелики. Более того, их деятельность зачастую не объединяла, а скорее разъединяла антиимпериалистические силы. У многих возникал вопрос, насколько применим партизанский опыт в латиноамериканских странах, созрели ли условия для успешной вооруженной борьбы.

Что же думал по этому поводу Че? Он более чем когда-либо в прошлом был убежден в действенности партизанского метода. Исходя из имеющегося опыта, Че считал, что одним из важнейших факторов успеха является личность, способность, авторитет лидера, возглавляющего партизанское движение. В статье «Партизанская война как метод» Че писал: «Как правило, партизанскую войну в интересах своего народа возглавляет авторитетный вождь»¹. На Кубе таким лидером был Фидель Кастро, одаренный политический и военный вождь, авторитет которого признавали не только все прогрессивные силы, но и их противники. Мог ли для других стран Латинской Америки стать таким лидером сам Че? Интернационалист по убеждениям, по складу характера, разве не был этот аргентинец, сражавшийся за свободу Кубы, разве не был он подлинным гражданином Латинской Америки в духе лучших традиций Сан-Мартина, Боливара, Марти и других героев освободительных войн этого континента?

В последний раз в декабре 1964 г. на Ассамблее ООН в Нью-Йорке, полемизируя с врагами кубинской революции, Че заявил: «Я кубинец, и я также аргентинец, и если не оскорбятся почтеннейшие сеньоры из Латинской Америки, я чувствую себя не менее патриотом Латинской Америки, чем кто-либо, и в любое время, как только понадобится, я готов отдать свою жизнь за освобождение любой из латиноамериканских стран, не прося ни у кого ничего взамен, не требуя ничего, не эксплуатируя никого»².

Это не были красивые слова, сказанные, чтобы лишний раз «уколоть» противников кубинской революции. Человек, который их произносил, уже знал, что в недалеком будущем ему предстоит подтвердить их на деле. И он страстно, всей душой этого желал, ибо революция и только революция была его стихией...

* * *

Че после возвращения на Кубу 14 марта 1965 г. публично нигде не появлялся. Это было замечено как кубинцами, так и иностранными журналистами и наблюдателями. По мере того, как проходили дни, «отсутствие» Че, его «исчезновение» все больше и больше обращало на себя внимание, порождая самые разнообразные слухи и комментарии. В особенности изощрялась в догадках реакционная печать США: «Че арестован», «Че бежал с Кубы», «Че убит», «Че смертельно болен». Факт, однако, оставался фактом: Че исчез, во всяком случае на Кубе он открыто не появлялся.

20 апреля 1965 г. Фидель Кастро, отвечая на вопросы иностранных журналистов, интересовавшихся местопребыванием Че, впервые публично высказался об этом: «Единственное, что могу вам сказать о майоре Геваре, это то, что он всегда будет находиться там, где больше всего полезно революции, и что отношения между мной и им — великолепные. Они такие же, как в первое время нашего знакомства, можно сказать, что они даже лучше... Он — многогранный, необычайно одаренный. Один из самых цельных руководителей»³.

Заявление Фиделя Кастро косвенным образом подтверждало отсутствие Гевары на Кубе. В начале мая Селия, мать Че, находившаяся в очень тяжелом состоянии в больнице в Буэнос-Айресе, позвонила по телефону в Гавану и вызвала сына. Ей отве-

¹ Е. С. Че Гевара. Obras, 1957—1967, vol. I. La Habana, 1970, p. 165.

² «El Mundo», 8.X.1968, p. 3.

³ «El Mundo», 18.X.1967.

тили, что Че здоров, но отсутствует, и если сможет, то свяжется с нею. Селия умерла 10 мая 1965 г., так и не дождавшись звонка. Значит, Че тогда уже не было на острове. Но в таком случае, где он был? Буржуазные газеты продолжали выдвигать самые фантастичные версии о местопребывании Че. Газеты писали, что Че находится во Вьетнаме. Эквадоре. В связи с событиями в Доминиканской Республике, где 24 апреля 1965 г. началось восстание патриотически настроенных военных, газеты писали, что Че принимает активное участие в борьбе конституционалистов и даже, что он там убит.

Из всех этих нелепых и противоречивых измышлений и клеветнических домыслов буржуазной печати можно было заключить только одно: ей неизвестно, где действительно находится Че и какова его подлинная судьба. Об этом знало только кубинское руководство, сам Че и люди, находившиеся с ним в непосредственном контакте, но все они хорошо хранили тайну.

Только 3 октября 1965 г. Фидель Кастро несколько приоткрыл плотную завесу, скрывавшую до сих пор Че. Выступая на учредительном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Фидель Кастро сказал:

«В нашем Центральном Комитете отсутствует человек, который в максимальной степени имеет все заслуги и обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы входить в этот орган. Этого человека, однако, нет среди членов нашего Центрального Комитета.

Вокруг этого факта враги сумели раскинуть целую паутину клеветы. Наши враги пытаются сбить людей с толку, посеять беспокойство и сомнения. Что же касается нас, то мы выжидали, ибо было необходимо выждать...

Чтобы пояснить это, мы прочитаем здесь письмо — вот здесь собственноручно написанное письмо, а здесь — перепечатанное на машинке письмо товарища Эрнесто Гевары, которое говорит само за себя... Здесь не поставлена дата, потому что это письмо должно быть прочитано в тот момент, когда мы сочтем это наиболее своевременным. Но если придерживаться строго действительности, письмо было передано 1 апреля этого года, т. е. ровно шесть месяцев и два дня назад. В нем говорится:

«Гавана...

(Год сельского хозяйства)

Фидель!

В этот час я вспоминаю о многом, о том, как я познакомился с тобой в доме Марии-Антонии, как ты мне предложил поехать, о всей напряженной подготовке.

Однажды нас опрашивали, кому нужно сообщить в случае нашей смерти, и тогда нас поразила действительно реальная возможность такого исхода. Потом мы узнали, что это действительно так, что в революции (если она действительно настоящая революция) или побеждают, или погибают. Многие остались там, на этом пути к победе.

Сейчас все это имеет менее драматическую окраску, потому что мы более зрелы, но все же это повторяется. Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от поста министра, от звания майора, от кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов.

Обозревая свою прошлую жизнь, я считаю, что работал достаточно честно и преданно, стараясь упорчить победу революции. Моя единственная серьезная ошибка — это то, что я не верил в тебя еще больше с самого первого момента в Сьерра-Маэстре, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни, и, будучи рядом с тобой, я ощущал гордость от того, что принадлежал к нашему народу в самые яркие и трудные дни карибского кризиса.

Редко когда талант государственного деятеля блистал так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что последовал за тобой без колебаний, что я мыслил так же, как ты, так же видел и так же оценивал опасности и принципы.

Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой; и поэтому настал час расставания.

Знай, что при этом я испытываю одновременно радость и горе: я оставляю здесь самые светлые свои надежды созидателя и самых дорогих мне людей... Я оставляю здесь народ, который принял меня, как сына, и это также причиняет боль моей душе. Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что я выполняю самый священный свой долг — бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и сторицей излечивает всякую боль.

Я еще раз говорю, что снимаю с Кубы всякую ответственность, за исключением ответственности, связанной с ее примером. И если мой последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе и в особенности о тебе. Я благодарю тебя за твои уроки и твой пример, и я постараюсь остаться верным им до конца. Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы я ни находился, я буду чувствовать свою ответственность как кубинский революционер и буду действовать как таковой. Я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование.

Я мог бы сказать еще многое тебе и нашему народу, но чувствую, что это не нужно; словами не выразить всего того, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Пусть всегда будет победа! Родина или смерть!

Тебя обнимает со всем революционным пылом

Че».

Огласив это письмо, Фидель Кастро продолжал: «Для тех, кто говорит о революционерах, для тех, кто считает революционеров людьми холодными, нечувствительными, людьми без сердца, — пусть для них это письмо послужит примером тех чувств, той чувствительности и чистоты, которые могут скрываться в душе революционера...

Это не было единственное письмо. Вместе с ним, для того же момента, когда это письмо будет оглашено, нам были оставлены другие прощальные письма, для разных товарищей, и, кроме того, как говорится здесь, «моим детям» и «моим родителям»; это письма, написанные специально для его детей и его родителей. Письма мы передадим этим товарищам и родственникам и попросим их, чтобы они принесли их в дар революции, потому что мы считаем, что эти документы достойны того, чтобы сохранить их для истории.

Мы полагаем, что этим объяснено все — все то, что мы должны были объяснить. Об остальном же пусть заботятся наши враги. У нас здесь достаточно задач, достаточно вопросов, которые нужно решить как в нашей стране, так и в отношении всего мира; достаточно обязанностей, которые мы должны выполнить и которые мы выполним»⁴.

Письма, о которых упоминал Фидель в своем выступлении, по крайней мере два из них — к родителям и к детям, были опубликованы — первое в аргентинском журнале «Siete dias ilustrados» 23 мая 1967 г., второе — посмертно. Приведем их тексты.

Письмо к родителям.

«Дорогие старики!

Я вновь чувствую своими пятками ребра Россинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь.

Около десяти лет тому назад я написал вам другое прощальное письмо. Насколько помню, тогда я сожалел, что не являюсь лучшим солдатом и лучшим врачом; второе уже меня не интересует, солдат же из меня получился не столь уж плохой.

В основном ничего не изменилось с тех пор, если не считать, что я стал значительно более сознательным, мой марксизм укоренился во мне и очистился. Считаю, что воору-

⁴ «El Mundo», 4.X.1965.

женная борьба — единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и я последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту.

Может быть, я пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, но он возможен, если логически исходить из расчета возможностей. И если так случится, примите мое последнее объятие.

Я любил вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен в своих действиях и думаю, что иногда меня не понимали. К тому же было нелегко меня понять, но на этот раз — верьте мне. Итак, решимость, которую я совершенствовал с увлечением артиста, заставит действовать хилые ноги и уставшие легкие. Я добьюсь своего.

Вспоминайте иногда скромного кондотьера XX века.

Поцелуйте Селию, Роберто, Хуан-Мартина и Пототина, Беатрис, всех.

Крепко обнимает Вас Ваш блудный и неисправимый сын

Эрнесто»

Моим детям

«Дорогие Ильдита, Алейдита, Камило, Селия и Эрнесто!

Если когда-нибудь вы прочтете это письмо, значит меня не будет среди вас.

Вы мало что вспомните обо мне, а малыши не вспомнят ничего.

Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и несомненно жил согласно своим убеждениям.

Растите хорошими революционерами. Учитесь упорно, чтобы овладеть техникой, которая позволяет властвовать над природой. Помните, что самое главное — это революция и что каждый из нас в отдельности ничего не значит.

И, главное, будьте всегда способными самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершаемую где бы то ни было в мире. Это самая прекрасная черта революционера.

До свиданья, детки, я надеюсь еще вас увидеть.

Папа шлет вам большущий поцелуй и крепко обнимает вас».

После гибели Че было опубликовано еще одно прощальное письмо — дочери Ильде, помеченное 15 февраля 1966 г. Было ли оно написано на Кубе или за ее пределами — нам неизвестно. Вот оно:

«Дорогая Ильдита!

Пишу тебе сегодня, но это письмо ты получишь значительно позже. Знай, что я помню о тебе и надеюсь, что ты проводишь радостно день твоего рождения. Ты почти женщина, поэтому не могу писать тебе, как детям, рассказывая глупости и враки.

Тебе следует знать, что я нахожусь далеко и буду долго отдален от тебя, делая все, что в моих силах, для борьбы против наших врагов. Немного, но кое-что я делаю и думаю, что ты сможешь всегда гордиться твоим отцом, как я горжусь тобою.

Помни, что впереди долгие годы борьбы и даже когда ты станешь взрослой, тебе придется внести свой вклад в эту борьбу. Между тем следует готовиться к ней, быть хорошей революционеркой, а в твои годы это значит много учиться, изо всех сил, и быть всегда готовой поддержать справедливое дело. Кроме того, слушайся маму и не слишком воображай о себе. Это пройдет со временем.

Борись, чтобы стать одной из лучших в школе. Лучшей во всех отношениях; ты знаешь, что я понимаю под этим: учебу и революционное поведение, иначе говоря: серьезное отношение к труду, любовь к революции, товарищество и т. д. Я не был таким в твои годы, но рос я в другом обществе, где человек был врагом человека. Тебе выпало счастье жить в другое время, и ты должна быть достойной его.

Не забывай время от времени следить за поведением малышей и советовать им учиться и вести себя прилежно. Главным образом смотри за Алейдитой, которая с большим уважением относится к тебе как к своей старшей сестре.

Ну, старушка, еще раз желаю тебе провести счастливо твой день рождения. Обнимаю за меня маму и Джину и прими мое большущее и крепчайшее объятие на все время нашей разлуки.

Твой папа»

О чем свидетельствовали эти насыщенные драматизмом послания, в первую очередь прощальное письмо Фиделю? Во-первых, о том, что Че покидал окончательно и бесповоротно революционную Кубу, принесшую ему мировую известность, Кубу, одним из ведущих лидеров которой он по праву являлся. Но этот акт не был следствием вынужденного или добровольного изгнания, тем более он не означал отхода Че от революционной деятельности. Его нельзя было объяснить ни разочарованием в революции, ни отчаянием, ни безрассудством, ни склонностью к авантюрам, в которой со свойственной ему самоуничижительной откровенностью признается сам Че. Не было это и актом самоубийцы, человека, зашедшего в политический тупик и ищущего в качестве выхода героическую смерть на поле брани.

Че покинул Кубу не потому, что он потерял веру в революцию, а потому, что он в нее безгранично верил. Он покинул Кубу, чтобы вновь сражаться с оружием в руках против империалистов. Огромное расстояние отделяет Че 1956 года, когда он, мало кому известный врач, заброшенный судьбой в Мексику, волею случая присоединяется к группе кубинских революционеров, возглавляемых Фиделем Кастро, от Че 1965 года, одного из вождей победившей революции, всемирно известного государственного и революционного деятеля, внезапно покидающего Кубу в поисках новых революционных свершений.

В середине 50-х годов социальная революция, социализм в Латинской Америке еще казались недостижимой мечтой, делом далекого будущего. Тогда, вступая в отряд Фиделя Кастро, самому Че казалось, что он присоединяется к весьма рискованному, даже безрассудному предприятию, правда, преследующему благородную и возвышенную цель, но имеющему минимальные шансы на успех.

Совершается «чудо», и это предприятие одерживает победу. Кубинская революция развивается в революцию социалистическую, меняя коренным образом политическую панораму в странах Латинской Америки. С ее победой антиимпериалистическая революция становится в этих странах не отвлеченным лозунгом, а делом сегодняшнего дня. Теперь, отправляясь в путь, отправляясь «делать революцию» в Латинскую Америку, Че не одинокая фигура революционного Дон-Кихота, намеревающегося на свой страх и риск сражаться с отнюдь не ветряными мельницами империализма, за ним опыт победившей на Кубе революции.

Нет, не в поисках смерти он покидает Кубу, а в поисках победы, в которую он безгранично верит, победы над империализмом, в которую именно он, по его глубочайшему убеждению, может и должен внести свою лепту, свой вклад. Почему же тогда его послания Фиделю, родным окрашены в столь трагические, даже мрачные тона, почему они носят характер прощания? Что это — предчувствие неотвратимой гибели или характерное для Че проявление «черного юмора», свойственного ему скепсиса, сопутствовавшего его глубочайшей вере в революцию? В Че, наряду с революционным романтизмом — абсолютным бескорыстием, отсутствием эгоизма, аскетизмом, готовностью к самопожертвованию, уживался антиромантизм — презрение к высокопарным фразам, к всякого рода проявлениям дешевой сентиментальности, мелкобуржуазной интеллигентской «чувствительности». Этот враг всяческого догматизма был догматиком на свой лад. И одной из его «догм» было презрение к смерти. Революция — это тоже война, а там, где сражаются, там и умирают. Будучи солдатом, Че прекрасно знал это. Отсюда «тональность» его посланий.

Если же посмотреть шире и глубже на решение Че покинуть Кубу в поисках новых «революционных горизонтов», то оно вовсе не являлось таким уж необычным и экстравагантным, как может показаться на первый взгляд. Какой настоящий революционер, настоящий коммунист — рядовой или генерал от революции, не мечтал и не мечтает пойти сражаться добровольцем за свободу других угнетенных народов?

Вспомним революционную Испанию. Как стремились советские люди прийти на помощь испанскому народу, сражаться в рядах республиканской армии против фашизма. Мы знаем, что в Испании боролись с оружием в руках против фашизма и советские бойцы — летчики, танкисты, — и советские военачальники. А разве не сражался маршал Блюхер за свободу китайского народа? Таких примеров можно было бы привести бесчисленное множество. И те, кто уходил на войну, у себя ли или в далекие страны, тоже писали прощальные письма партийным руководителям, родным и близким.

И кубинские революционеры, покинувшие вместе с Че Кубу, его братья по идеям и оружию, тоже оставили прощальные письма партийным руководителям, родным, друзьям. Но, прощаясь, они, как и Че, верили в победу, в триумф дела, за которое они направлялись сражаться, покидая свою землю, своих родных и товарищей. В боливийской эпопее участвовало 17 кубинских революционеров, из них 14 сложили там свои головы. Никто из них не достиг и 35 лет. У всех у них были семьи, дети. Все они добровольно откликнулись на революционный призыв...

Итак, Че покинул или решил покинуть Кубу приблизительно в апреле 1965 г. Во всяком случае после апреля 1965 г., по крайней мере официально, его на Кубе уже не было. После этого его след теряется и вновь обнаруживается только в ноябре 1966 г. в Боливии. Где находился Че в этот промежуток времени, т. е. в течение 19 месяцев, нам неизвестно. В западной печати утверждалось, уже после его гибели, что он находился в Черной Африке, принимал участие в гражданской войне в Конго (Киншаса). Намеки на это имеются в его боливийском дневнике. Возможно, Че действительно находился в Африке, к судьбам которой проявлял живой интерес, возможно, в другом месте, откуда возвращался на Кубу, возможно, он оставался на Кубе и после апреля 1965 г., готовя в строжайшей тайне боливийскую экспедицию. Мы не знаем. Кубинские источники, единственно могущие со знанием дела ответить на этот вопрос, пока что молчат.

Разумеется, эти полтора года Че не сидел без дела. Вероятно, с ним были связаны десятки людей, и если до сих пор ничего определенного не известно об этом периоде его деятельности, то это свидетельствует о большом конспиративном мастерстве Че и преданности ему людей, с которыми он тогда работал.

Когда Че стал думать о боливийской экспедиции? Если судить по истории Тани, молодой революционерки, связавшей свою судьбу с судьбой его партизанского отряда, Че стал готовиться к боливийскому походу за год, если не раньше до своего «исчезновения» с Кубы. Эта история была рассказана в книге «Таня — незабвенная партизанка», изданной в 1970 г.⁵ Таня — таков был псевдоним Тамары, дочери немецких коммунистов Эрика и Нади Бунке, учителей, бежавших от нацистского террора в 1935 г. с новорожденным первенцем в Аргентину, где у них имелись родственники. Здесь 19 ноября 1937 г. у них родилась дочь Тамара, или Ита (уменьшительное от Тамарита), как ее звали в семье. Ита закончила в Аргентине среднюю школу. Она была привлекательной и одаренной девушкой, хорошо разбиралась в литературе и политике, любила музыку. Она играла на пианино, гитаре и аккордеоне, пела, увлекалась балетом и спортом.

Родители Тамары принимали активное участие в подпольном коммунистическом движении в Аргентине. Их дочь росла в атмосфере конспирации, тайных собраний, политических споров. После войны, в 1952 г., семья Бунке вернулась в ГДР. Здесь Тамара поступила в Берлинский университет им. Гумбольдта на филологический факультет, стала членом Союза социалистической молодежи, а затем и СЕПГ.

Считая себя одновременно немкой и аргентинкой, Тамара внимательно следила за развитием политических событий в Латинской Америке, мечтала вернуться в Аргентину, участвовать в революционной борьбе. Естественно, что она с восторгом встретила весть о победе кубинской революции в 1959 г. Ее симпатии к острову Свободы еще больше возросли, когда в середине 1960 г. она встретила с первой кубинской правительственной делегацией во главе с нынешним президентом Академии наук Кубы капитаном Антонио Нуньесом Хименесом, а в декабре — с торговой делегацией, возглавляемой Че. Тамара работала переводчицей при этих делегациях, в частности, личной переводчицей Че. Общение с кубинскими товарищами, их обаяние, простота, искренность, революционный энтузиазм произвели на Тамару огромное впечатление. Она мечтала поехать на Кубу, участвовать в революционных преобразованиях.

В мае 1961 г. ее мечта осуществилась. Она приезжает в Гавану, работает в министерстве просвещения, учится на факультете журналистики Гаванского университета, вступает в ряды революционной милиции, участвует в добровольном труде и в различного рода массовых кампаниях.

Кубинская революция захватывает и покоряет Тамару. Она стремится стать профессиональным революционером, посвятить себя всецело «борьбе за освобождение

⁵ «Tania—la guerrillera inolvidable». La Habana, 1970.

человечества». Эти слова Николая Островского она берет в качестве эпитафии для своего дневника ⁶. В Гаване она работает некоторое время с представителями Объединенного фронта Никарагуа, ведущего партизанские действия в этой стране. Она мечтает стать партизанкой, подпольщицей.

И вновь ее желание осуществляется. В марте 1963 г. кубинские товарищи предлагают Тамаре стать подпольщицей, поехать в Латинскую Америку, выполнять там ответственные поручения в интересах революционного движения ⁷. Тамара соглашается. Она счастлива. Дело, которое поручают ей, ответственное, опасное, но это дело, достойное настоящего революционера. Она горда оказанным ей доверием и приложит все свои силы, умение и знание, чтобы оправдать его. Так Тамара превращается в подпольщицу Таню.

Следуют месяцы изнурительной, детальной, всесторонней подготовки. Изучение тайпописи, шрифтов, радиосвязи, правил конспирации. Подготовка была основательной, она длилась год. Далее мы читаем в книге «Таня — незабвенная партизанка»: «С окончанием ее подготовки в марте 1964 г. Таня испытала, по ее словам, «самое большое волнение в своей жизни». Майор Эрнесто Че Гевара пригласил ее к себе в министерство промышленности, чтобы наконец объяснить задачу, которую ей предстояло выполнить... Че объяснил Тане, что в ее задачу входит поселиться в Боливии, завязать там связи в армейских и правящих буржуазных кругах, ознакомиться с положением во внутренних районах страны, изучить формы и методы эксплуатации боливийских шахтеров, крестьян и рабочих, приобрести связи среди эксплуататоров и, наконец, ожидать посланца, который укажет ей время начала решительных действий и уточнит ее участие в подготавливаемой борьбе» ⁸.

Приведенный отрывок из книги о Тане в высшей степени знаменателен. Он раскрывает, что уже в марте 1964 г. под непосредственным руководством Че планировалась боливийская экспедиция. Значит, все спекуляции противников кубинской революции, представлявших и представляющих отъезд Че как «внезапное» решение, как результат «разочарования», желание принести себя в жертву — досужий вымысел клеветников на службе империализма.

Что же происходило в Латинской Америке в марте 1964 г.? В Бразилии у власти находилось правительство президента Гуларта, выступавшее все решительнее против империализма США. В стране быстро росли крестьянские лиги, руководимые Франсиско Жулианом, горячим сторонником кубинской революции. В Венесуэле, Колумбии и Перу активно действовали партизанские отряды. В Аргентине делал первые шаги партизанский отряд под руководством Хорхе Рикардо Масетти. В самой Боливии у власти находился президент Пас Эстенсоро, с деятельностью которого Че был знаком с первого посещения этой страны. В марте 1964 г. Боливия еще поддерживала дипломатические отношения с Кубой, которые были разорваны под давлением США только 20 августа 1964 г. В Боливии в то время шахтеры были вооружены, на шахтах имела рабочая милиция. При определенных обстоятельствах вооруженные шахтеры могли стать основой для более активного революционного движения, в том числе и партизанского.

Но если в марте 1964 г. положение в Латинской Америке с точки зрения перспектив революционной борьбы представлялось весьма обнадеживающим, то к концу этого года оно изменилось далеко не в лучшую сторону: отряд Масетти в Аргентине распался, так и не начав своих действий, а сам Масетти погиб. В Бразилии Гуларт был свергнут реакционными генералами. Такая же участь постигла в Боливии Пас Эстенсоро, его место занял генерал Рене Баррьентос Ортуньо. Конечно, эти события можно было оценить иначе: приход к власти реакционеров в Боливии и Бразилии ставил на повестку дня организацию партизанских действий против этих режимов, которые, как полагал Че, при успехе могли бы коренным образом изменить в пользу антиимпериализма соотношение сил в Латинской Америке.

Между тем 9 апреля 1964 г. Таня по подложному паспорту направляется в Западную Европу, где в течение нескольких месяцев «тренируется» как подпольщица.

⁶ Ibid., p. 185.

⁷ Ibid., p. 191.

⁸ Ibid., p. 209—210.

В начале октября было принято окончательное решение о ее направлении в Боливию. Теперь она Лаура Гутьеррес Бауэр, урожденная аргентинка, этнограф-любитель, дочь аргентинского помещика-скотовода и немецкой антифашистки. 18 ноября Таня благополучно достигает цели своего путешествия — Ла-Паса.

Молодая, обаятельная аргентинка, владеющая несколькими языками и судя по всему не особенно нуждающаяся в деньгах, быстро становится вхожей в новые правительственные сферы, пришедшие к власти в результате падения режима Пас Эстенсоро. Она устанавливает дружеские связи с начальником отдела печати и информации президентской службы Гонсало Лопесом Муньосом и тайные — с будущим участником отряда Че боливийским революционером Гидо Альваро Передо Лейге, членом ЦК КПБ (подпольная кличка «Инти»). По рекомендации Гонсало Таня начинает работать в одном из местных еженедельников, одновременно она сотрудничает с департаментом фольклора министерства просвещения, дает уроки немецкого языка детям министров, в том числе министра внутренних дел и юстиции Антонио Аргедаса, с личным секретарем которого Анитой Гейндрих, немкой по происхождению, Таня также устанавливает доверительную связь.

В правящих, в особенности военных кругах Боливии благоволят к немцам, к людям немецкого происхождения. После первой мировой войны боливийскую армию на протяжении ряда лет обучали эксперты немецкой армии. В 1937—1939 гг. президентом страны был подполковник Герман Буш, сын немецкого эмигранта и индианки, пользовавшийся большой популярностью. Этими «пронемецкими» симпатиями умело воспользовалась Таня для расширения своих связей. Чтобы упрочить свое положение, Таня выходит замуж за студента Марио Мартинеса Альвареса. Это ей дает боливийское гражданство, Альварес же вскоре после женитьбы уезжает продолжать учебу в Европу. О том, насколько глубоко удалось Тане проникнуть в боливийскую «верхушку», свидетельствует тот факт, что она познакомилась даже с президентом генералом Баррьентосом.

Гавана поддерживала с Таней надежную связь через курьеров. Она встречалась с ними как в Боливии, так и в других латиноамериканских странах, куда специально выезжала на связь. На этом предварительном этапе боливийское предприятие разворачивается как по нотам...

Если Таня проникла в Боливию по подложному паспорту и осела там на постоянное жительство, то другой приехавший с Кубы человек — 23-летний Режи Дебрэ под своим собственным именем объехал эту страну и сосредельные республики в конце 1963 — начале 1964 г. Студент философии Сорбонны Дебрэ в 1959 г. находился на стажировке в США, откуда он приезжает на Кубу, где его принимают местные руководители, знакомят с опытом революции. После этого Дебрэ полтора года путешествует по странам Латинской Америки. Он снимает фильм о Венесуэле для французского телевидения, затем проводит около трех месяцев в Боливии, собирая материал для диссертации о социальном положении индейцев Андского нагорья. В Боливии Дебрэ встречался со многими политическими деятелями, закупал литературу о Боливии.

После своего путешествия по странам Латинской Америки Режи Дебрэ вновь появляется в Гаване в конце 1965 г. и углубляется в историю революционного движения на Кубе. Он беседует с участниками и руководителями партизанской борьбы, изучает документы Повстанческой армии. Книга Р. Дебрэ «Революция в революции?», изданная массовым тиражом в Гаване в начале 1967 г., в то время наделала много шума, став библией сторонников партизанских действий «во что бы то ни стало». Теперь она уже забыта. Дебрэ пытался теоретически обосновать партизанский метод борьбы с империализмом как единственно верный для стран Латинской Америки, при этом он ссылаясь на опыт кубинской революции.

Когда книга Дебрэ вышла в свет, Че не было на Кубе. Он уже несколько месяцев как возглавлял боливийский партизанский отряд. Теоретические дискуссии по поводу партизанского очага отошли на второй план. Жребий был брошен. Пробыл час действий.

ЛАГЕРЬ НА РЕКЕ НЬЯНКАУАСУ

«Для начала достаточно от 30 до 50 человек. С этим числом можно начать вооруженную борьбу в любой из латиноамериканских стран».

Эрнесто Че Гевара

В марте 1966 г. в Ла-Пас прибывает кубинец Рикардо (он же Папи и Чипчу) — капитан Хосе-Мария Мартинес Тамайо, активный участник партизанской борьбы на Кубе. Рикардо родился в 1936 г. в рабочей семье, был трактористом, после революции научился водить самолет, одно время служил в танковых частях. Еще в 1963 г. он проникает по колумбийскому паспорту с секретной миссией в Боливию. Вскоре он получает боливийские документы на имя Рикардо Моралеса Родригеса, что позволяет ему впредь беспрепятственно выезжать и въезжать в эту страну.

Именно во время своего первого пребывания в Боливии Рикардо устанавливает связь с боливийскими коммунистами братьями Передо Лейге — Инти и Роберто (Коко). Оба они со школьной скамьи участвовали в революционном движении. Инти был комсомольским вожаком, потом секретарем партийной организации в Ла-Пасе и членом ЦК КПБ. Коко также был активным революционером, комсомольским вожаком. Он работал капитаном речного корабля, охотником на крокодилов, шофером.

Выполнив свою миссию в 1963 г., Рикардо возвращается на Кубу, чтобы два с половиной года спустя вновь появиться в Боливии. Теперь ему поручено подыскать подходящую ферму в горах, которая может стать базой для будущего партизанского отряда. Он связывается с Таней, Инти, Коко и другими известными ему боливийскими единомышленниками, которые будут сотрудничать с ним в выполнении этой миссии.

В конце июля 1966 г. в Ла-Пасе появляются еще два кубинца: Помбо и Тума. Первый — капитан Повстанческой армии Гарри Вильегас Тамайо, второй — лейтенант той же армии Карлос Коэльо, он будет фигурировать в дневнике Че также под кличками «Тумаини» и «Рафаэль». Оба проникают в Боливию по колумбийским паспортам. Они вступают в контакт с руководителями КПБ, с которыми ведут переговоры об участии компартии в планируемом партизанском движении. О результатах переговоров было сообщено в «Манилу» (кодовое название Гаваны).

В июле Коко Передо купил по поручению кубинцев за 30 тыс. боливийских песо (2500 долл.) ферму площадью в 1227 га, расположенную на реке Ньянкауасу в горном районе, приблизительно в 300 км к югу от провинциального центра Санта-Крус и 100 км к северу от городка Камири, центра нефтедобычи, где действовала американская компания «Боливиан Галф ойл компани». Эта пустынная ферма, которую стали называть «Каламина»⁹, должна была стать тренировочной базой отряда. В начале сентября в Ла-Пас из Чили по подложному уругвайскому паспорту прибыл еще один кубинец — Пачо, он же Пачунго, — подпольная кличка капитана Повстанческой армии Альберто Фернандеса Монтес-де-Ока. Вскоре он покинул Боливию, чтобы вернуться туда вместе с Че.

В том же месяце в Боливию приехал Режи Дебрэ под своей собственной фамилией. Аккредитовавшись в качестве журналиста, он получил разрешение на свободное передвижение по стране «с целью сбора материалов для книги о геополитическом положении Боливии». Дебрэ стал путешествовать по районам, в которых намечалось развернуть партизанское движение, усердно скупая карты и фотографируя различные объекты. Несколько недель спустя он выехал в Чили, откуда вновь возвратился в Боливию в феврале 1967 г.

Судя по всему, Че Гевара прибыл в Ла-Пас самолетом из Сан-Паулу (Бразилия) в начале ноября 1966 г. Без бороды, с залысинами, седой (результат краски), в толстых роговых очках, при галстукке — он ничем не напоминал известного всему миру Че. Он так изменил свою внешность, что когда в Гаване зашел домой, чтобы проститься с женой и дочерью Селией, его не узнала родная дочь, даже после того как он взял ее на руки и приласкал. Дочь сказала Алейде: «Мама! Смотри, этот старикашка влюбился в меня»¹⁰.

⁹ Жилое здание фермы было покрыто оцинкованными железными листами — по-испански «каламина». Отсюда название фермы.

¹⁰ I. P e r e d o. Mi camraña con el Che. La Paz, 1970.

Теперь этот «старикашка» свободно ходил по улицам боливийской столицы, в кармане у него лежал уругвайский паспорт на имя коммерсанта Рамона Бенитеса Фернандеса. На всякий случай у него был припрятан и другой паспорт, тоже уругвайский, на имя коммерсанта Адольфо Мена Гонсалеса. Однако уточнить, по какому из этих двух паспортов Че въехал в Боливию, невозможно, так как в обоих отсутствуют штампы въезда в эту страну.

Много воды утекло с тех пор, как 13 лет тому назад Че впервые вступил на боливийскую землю, привлеченный миражем революции 1952 г. Тогда он был малоопытным в политических делах молодым человеком, весьма туманно представлявшим себе свое будущее. Сейчас он всемирно известный революционер, овеянный славой первой социалистической революции в Америке, и перед ним стоит грандиозная задача: поднять на вооруженную борьбу против империализма народы континента. Некогда его предок генерал де ла Серна сражался в этих местах до последнего патрона в защиту испанского колониального строя. Тогда Боливия, или точнее Горное Перу, была последним оплотом Испании на континенте. Теперь, считал Гевара, она должна превратиться в главный очаг борьбы против империализма.

Но хотя многое изменилось в мире, в Боливии особых перемен не произошло. Страной продолжали управлять продажные генералы и политики, юрники владели жалкое существование, а крестьянские массы — в основном индейцы, не говорящие по-испански, жили, как и их предки, в нищете и невежестве. Революционные силы были расколоты на множество враждующих между собой группировок. И тем не менее Че был настроен оптимистически. Он был уверен, что партизанские выстрелы коренным образом изменят политическую обстановку в стране в пользу революционных сил.

К моменту прибытия Че в Боливию там уже находилось большинство кубинцев — будущих участников его отряда. Пользуясь связями Тани, Че получил на имя Адольфо Мена Гонсалеса мандат, в котором он характеризовался как «специальный уполномоченный Организации американских государств, изучающий и собирающий информацию об экономических и социальных отношениях в сельских районах Боливии»¹¹. Этот мандат, помеченный 3 ноября 1966 г., давал ему право на свободное перемещение по стране.

Не задерживаясь в Ла-Пасе, Рамон (как стал называть себя теперь Че), сопровождаемый Пачо, направился через Кочабамбу в «Каламину», куда прибыл 7 ноября 1966 г. В тот же вечер Че сделал первую запись в своем дневнике, который он с завидным упорством будет вести изо дня в день на протяжении 11 месяцев, вплоть до последнего боя в ущелье Юро 8 октября следующего года.

Дневник Гевары, публикация которого вызвала мировую сенсацию, словно зеркало, отражает основные черты характера и мироощущения, присущие Че. Дневник — предельно искренний и правдивый документ. В то же время он далеко не отражает всей истории партизанского отряда. Дело в том, что в дневнике Че уделяет внимание главным образом недостаткам, ошибкам и слабостям, присущим как отдельным бойцам, так и всему отряду в целом. Че больше пишет в дневнике о слабых, колеблющихся элементах, чем о бойцах, поведение которых граничило с героизмом. Их поведение Че считал нормальным, любые отклонения от него вызывали его осуждение. И еще одно обстоятельство, которое следует иметь в виду, читая дневник: его автор говорит о себе крайне скупое и главным образом в плане своих недостатков или промахов. Между тем он — главное действующее лицо, творец описываемой им драмы, это его железная воля составляет как его самого, так и его сподвижников совершать героические поступки и сражаться под старым как мир лозунгом «Победа или смерть!»

О чем же повествует первая страница дневника? Сегодня начинается новый этап, — записывает Че 7 ноября 1966 г. — Ночью прибыли на ранчо. Поездка прошла в целом хорошо. Мы с Пачунго соответствующим образом изменили свою внешность, приехали в Кочабамбу и встретились там с нужными людьми. Затем за два дня добрались сюда на двух джипах — каждый порознь.

Не доезжая до ранчо, мы остановили машины. Сюда приехала только одна, чтобы не вызывать подозрений у одного из соседних крестьян, который поговаривает о том,

¹¹ «Tania — la guerrillera inolvidable», p. 257; L. González, G. A. Sanchez Salazar. The Great Rebel. Che Guevara in Bolivia. New York, 1969, p. 56.

что мы наладили здесь производство коканна. В качестве курьеза отмечу, что неугоми-мого Тумаини он считает химиком нашей шайки. После второго рейса Биготес¹², уз-нав меня, чуть не свалился с машиной в ущелье. Джи́п пришлось бросить на самом краю пропасти. Прошли пешком около 20 км, добираясь до ранчо, где уже находятся три партийных товарища. Прибыли сюда в полночь¹³.

Прибытие в «Каламину» Че, за которым в течение полутора лет охотилось ЦРУ и другие связанные с ним разведки, следует считать выдающимся конспиративным успехом. Не меньшим успехом был и тот факт, что к этому времени находились в Боливии и другие 17 кубинцев, участников его отряда, из них четыре члена ЦК Коммунистической пар-тии Кубы¹⁴. Все они прибыли в Боливию по фальшивым паспортам и вскоре после при-бытия Че на партизанскую базу в Ньянкауасу сосредоточились там. В «Каламину» было завезено большое количество оружия, боеприпасов, медикаментов, радио- и фотоаппаратура и другие средства связи, книги, партизанская униформа.

8 и 9 ноября Че совершает краткие выходы в окружающие ранчо джунгли. Он оста-ется доволен разведкой. 9 ноября Рамон записывает в дневнике: «Если дисциплина бу-дет на высоте, в этом районе можно долго продержаться». Однако 10 ноября, обеспо-коенный любопытством Альгараньяса, хозяина соседнего ранчо, у которого обитатели «Каламины» покупали провизию, Че решил перебраться в джунгли и организовать там в 8 км от фермы базовый лагерь. После первой ночевки в джунглях, 11 ноября, Че от-мечает в дневнике: «Обилие насекомых здесь невероятное. Спастись от них можно толь-ко в гамаке с сеткой (такая сетка только у меня)». И на следующий день: «Волосы у меня отрастают, хотя они еще и очень редкие, седина становится все более темной и начинает исчезать, появляется борода. Через пару месяцев опять стану похож на себя».

В лагере устроили печь для выпечки хлеба, смастерили лавки и стол. Здесь, в этом своеобразном «красном уголке» от 4 до 6 часов шли политзанятия. Че рассказывал об опыте кубинской революции, о методах партизанской войны, другие преподавали ис-торию и географию Боливии, испанский язык и язык кечуа. Эти занятия были обязаны посещать все партизаны. Вечером, после ужина, для желающих Че преподавал фран-цузский язык.

Че организовал «гондолу» — переброску продуктов, оружия и другого партизанского хозяйства из «Каламины» в базовый лагерь. Это была изматывающая работа: людям приходилось ежедневно переносить на себе весьма большие тяжести. В районе базового лагеря партизаны выискивали тайники, пещеры, рыли траншеи, куда прятали свое иму-щество. Гевара считал временным пребывание партизан в этом лагере, но надеялся, что всегда сможет в нужный момент послать сюда своих людей, чтобы пополнить запасы продовольствия, лекарств и оружия.

Деятельность, которую развивали обитатели «Каламины», все больше возбуждала любопытство их соседа Альгараньяса и его работников. Приходилось быть начеку. Другой причиной беспокойства, вернее, физических страданий Че и его соратников бы-ли насекомые. О их существовании в этих местах и о том, как с ними бороться, никто заблаговременно не подумал, и теперь Че и его товарищам пришлось терпеть послед-ствия такой непростительной оплошности. 18 ноября Че записывает в дневнике: «Все идет монотонно: москиты и гаррапатос¹⁵ искусили нас так, что мы покрылись болез-ненными язвами от их ядовитых укусов».

Че постоянно поддерживает радиосвязь с «Манплой» (Гаваной). Постепенно на ранчо прибывают подкрепления: кубинцы и боливийцы. 27 ноября собралось уже 30 человек. 30 ноября Че, подводя итоги прошедшего месяца, писал: «Все получилось довольно хорошо: прибыл я без осложнений, половина людей уже на месте. Добрались

¹² Хорхе Васкес Мичикадо Вианья, боливийский студент, он же Лоро и Хорхе.

¹³ «Боливийский дневник» Че цитируется по русскому переводу, опубликованному в Приложении к № 42 журнала «Новое время» от 18 октября 1968 г. Записи с 3 мая по 26 сентября, не включенные в опубликованный перевод, цитируются по испанскому тексту дневника, изданного в Гаване 26 июня того же года. — «El Diario del Che en Bolivia». La Habana, 1968.

¹⁴ Члены ЦК КПК: майор Антонио Санчес Диас (он же Маркос), командующий военным округом острова Пинос, майор Хуан Виталио Акунья Нуньес (он же Хоакин), капитан Элисео Рейес Родригес (он же Роландо), капитан Хесус Суарес Гайоль (он же Рубио, Феликс).

¹⁵ Разновидность клещей, вьющихся в ступни ног и откладывающих там личинки, что вызывает нестерпимый зуд.

также без осложнений, хотя немного запоздали. Основные люди Рикардо, несмотря ни на что, готовы примкнуть к нашему движению. Перспективы в этом отдаленном от всех центров районе, где, судя по всему, мы практически сможем оставаться столько времени, сколько сочтем необходимым, представляются хорошими. Наши планы: дождаться прибытия остальных, довести число боливийцев по крайней мере до 20 и приступить к действиям». Люди Рикардо — это боливийцы, по-видимому братья Передо и несколько студентов, находившихся с ними в контакте.

2 декабря в лагерь прибыл Чино — Хуан-Пабло Чанг Наварро, перуанский революционер, участник партизанского движения в Перу, разгромленного властями. Обсуждался вопрос об организации партизанской базы в Пуно на перуанском побережье озера Титикака. После переговоров с Че Чино отбыл в Ла-Пас, намереваясь направиться в Гавану, а оттуда вновь возвратиться в Боливию и вступить в отряд Че. Лагерь продолжал жить обычной жизнью: бойцы рыли окопы, укрытия, тайники, переноса в них боеприпасы и снаряжение, прокладывали все дальше в джунглях секретные тропы, обследуя местность. В свободное от работы и караульной службы время проводились политзанятия, изучались местные индейские языки. Двое бойцов заболели малярией. И, конечно, их продолжал дожимать сверхлюбопытный сосед Альгараньяс. Че записывает в дневнике: «Под проливным дождем пришел Лоро (Васкес Мичикадо), который сообщил, что Альгараньяс говорил с Антонио, дал ему понять, что он много знает. Он предложил войти в пай с нашими людьми на ранчо и заниматься с ними производством кокаина или же чем-то еще, чем они заняты. Это «чем-то еще» показывает, что этот тип что-то подозревает».

Хотя тучи сгущались над лагерем, связь с Камири и Ла-Пасом пока что функционировала нормально. Прибывали все новые люди. 26 января в лагерь прибыли шахтерский вожак Мойсес Гевара и подпольщик Лойола. Мойсес согласился вступить в партизанский отряд вместе со своими сторонниками — около 20 человек, но заявил, что они придут только в первой половине февраля по причине того, что, как отмечает Че в дневнике, «люди отказываются пойти за ним, пока не кончится карнавал».

Лойоле, которая произвела на Че очень хорошее впечатление своей стойкостью и верою в дело, он поручил организовать в Ла-Пасе и других городах подпольную организацию поддержки партизанского движения. Но хотя эти контакты и были многообещающими, приток боливийцев далеко не отвечал надеждам Че, что с присущей ему откровенностью он отметил в своем «месячном анализе» за январь 1967 г.: «Теперь начинается партизанский этап в буквальном смысле слова, и мы испытаем бойцов. Время покажет, чего они стоят и какова перспектива боливийской революции. Из всего, о чем мы заранее думали, наиболее медленно идет процесс присоединения к нам боливийских бойцов».

1 февраля, оставив несколько бойцов во главе с кубинцем Маркосом в «Каламппе», очищенном от компрометирующих предметов, которые были спрятаны в тайниках, Че с отрядом из 20 человек направился в горы в тренировочный поход, рассчитанный на 25 дней. Инти рассказывает, что в этом походе Че нес на себе самый тяжелый рюкзак. Выступая в поход, Че споткнулся и упал, но тут же поднялся и пошел вперед. Учить других личным примером — всегда было его «слабостью».

Этот поход должен был закалить и спаять его бойцов, испытать их выдержку, дисциплину, выносливость и мужество. В походе следовало разведать местность, заложить в пути тайные склады с оружием и продовольствием, наконец, установить контакты с населением.

Местность, по которой передвигались партизаны, оказалась труднопроходимой, полупустынной, поросшей колючками, зарослями, кишачими ядовитыми жуками и насекомыми. Она пересекалась быстро текущими горными речками, каменистыми грядками, обрывами, кручами. Во многих местах бойцам приходилось прокладывать себе путь сквозь чащобу при помощи мачете. Имевшиеся у них карты оказались непригодными: в них было много неточностей и несоответствий.

Во время этого похода партизаны неоднократно вступали в контакт с местными жителями. Крестьяне говорили на местных индейских диалектах, непонятных партизанам, держались настороженно, недоверчиво, часто даже враждебно. Само по себе это не было неожиданностью для Че, который в своем трактате о партизанской войне писал, что в начале партизанских действий крестьяне, опасаясь репрессий властей и по своему не-

вежеству, именно так и относятся к «чужакам»-партизанам, и только по мере развертывания боевых действий, когда они к тому же убедятся в дружелюбии партизан, их настроение начинает меняться в пользу оставшихся. И все же Че ожидал более теплого отклика со стороны боливийских крестьян даже на этом первоначальном, разведывательном этапе партизанской борьбы.

Вот как Че описывает в дневнике свою первую встречу с крестьянами во время этого похода: «Выдав себя за помощника Инти, я сегодня разговаривал с местными крестьянами. Думаю, что сцена с переодеванием получилась не очень убедительной, так как Инти держался слишком скромно. Крестьянин был абсолютно типичным: он не способен был понять нас, но в то же время не в силах предвидеть, какую опасность влечет за собой его встреча с нами, и потому сам он был потенциально опасен. Он рассказал нам про нескольких из своих соседей. Но верить ему нельзя, так как говорил он без всякой убедительности.

Врач подлечил его детей... (Крестьянина зовут Рохас)».

Сохранилась фотография: Че сидит на пеньке и держит на коленях двух детей Рохаса, а сам Рохас стоит рядом. Запомним его фамилию. Мы еще встретимся с ним...

Шли дни. Отряд поднимался все выше в горы. Скучный рацион, насекомые, тяжелые рюкзаки, ремни которых немилосердно впивались в тело, изодранная обувь, израненные ноги, ливни — истощали бойцов, делали их раздражительными. Из-за пустяков в отряде все чаще происходили стычки как среди кубинцев, так и между ними и боливийцами. Че пытался унять и утихомирить бойцов, терявших самообладание, но его призывы соблюдать дисциплину не оказывали на измученных людей прежнего впечатления.

Сам Че с первых же дней похода чувствовал себя весьма скверно. Уже 3 февраля он записывает в дневнике: «Меня освободили от 15 фунтов ноши, и мне идти легче. И все же боль в плечах от рюкзака иногда становится невыносимой».

Запись от 12 февраля: «Устал я смертельно». Запись от 23 февраля: «Кошмарный день для меня... В 12 часов, под солнцем, которое, казалось, раскаляло камни, мы тронулись в путь. Скоро мне показалось, что я теряю сознание. Это было, когда мы проходили через перевал. С этого момента я уже шел на одном энтузиазме. Максимальная высота этой зоны — 1420 метров».

Прошел месяц после выхода отряда из лагеря. Съестные припасы на исходе. Бойцы едят коршунов, попугаев, конину. Все страдают расстройством желудка. Че отдает приказ возвращаться обратно в лагерь на Ньянкауасу. Но это не так просто. Отряд явно заблудился. Голодные бойцы, нарушая приказ, начинают поедать консервы из неприкосновенного запаса. 4 марта Че записывает в дневнике: «Моральный дух у людей низок, а физическое состояние их ухудшается со дня на день. У меня на ногах отеки».

Запись от 7 марта: «Вот уже четыре месяца, как мы здесь. Люди все более падают духом, видя, что припасы подходят к концу, а конца пути не видно». И неделю спустя: «Подстрелили четырех ястребов. Это и была наша еда — не столь уж плохая вопреки нашим ожиданиям. Все наши вещи мокрые, а дождь практически не прекращается. Настроение очень плохое. У Мигеля распухли ноги. То же самое и у некоторых других».

Именно в эти дни в базовом лагере произошло событие, которому Че не придавал особого значения, но имевшее весьма отрицательные последствия для судьбы отряда. В начале марта Маркос и несколько партизан из лагеря направились на поиски Че, так как он должен был появиться еще в конце февраля. В пути они набрали на нефтевышку, у которой Маркос столкнулся с крестьянином Эпифаньо Варгасом. Маркос представился ему как «мексиканский инженер», справлялся о дороге, пытался купить продовольствие. «Мексиканец» Варгасу показался подозрительным, он рассказал о встрече жене, та своей хозяйке — капитанше, капитанша — мужу. Муж сообщил эти сведения военному командованию в Камири. Варгаса арестовали и заставили быть проводником армейского патруля, который пошел по следам Маркоса.

Группа Че на обратном пути в лагерь тоже прошла неподалеку от нефтевышки. Партизаны узнали от местных жителей, что в районе бродил увешанный оружием «мексиканец». Они поняли, что это был Маркос. 9 марта Че, описав этот эпизод в дневнике, отметил, что Маркос действовал «неосторожно». Он еще не знал, что неосторожность Маркоса уже привела солдат прямо к воротам партизанского лагеря.

По расчетам Че отряд уже давно должен был вернуться на свою постоянную стоянку. Партизаны явно блуждали в ее окрестностях; но найти свое пристанище на реке Ньянкауасу им, несмотря на все усилия, не удавалось. 17 марта, за два дня до того, как они, наконец, дошли до своих «владений», при переправе через Ньянкауасу перевернулся плот и утонул Карлос. «Он считался, — писал о нем Че в дневнике, — до сегодняшнего дня лучшим среди боливийского арьергарда по серьезному отношению к делу, дисциплине и энтузиазму». Вместе с Карлосом река унесла шесть рюкзаков, шесть винтовок и почти все патроны бойцов.

Отряд фактически оказался безоружным, он заблудился, люди выбились из сил. Голод и физические страдания, чувство безысходности и обреченности, которое испытывали бойцы после полуторамесячного блуждания по тропам юго-восточной Боливии, — все это действовало удручающе на многих из них. Даже среди закаленных кубинцев нарастало «ворчание», как отмечает Че. Но сам он (хотя физически чувствовал себя не лучше, а может быть значительно хуже своих товарищей) не мог позволить себе такой роскоши, как сомнения, жалобы, недовольство. Сомнения — в чем, в ком? Жалобы — на кого? Недовольство — кем? Самим собою? Но почему? Этот поход был испытанием на выдержку, стойкость, упорство. Войну против могущественных и многочисленных врагов смогут выиграть только бойцы, способные переносить величайшие лишения, готовые на величайшие жертвы, не просто герои, а сверхгерои, революционеры с большой буквы. Да, его товарищи были теперь на пределе своих физических и моральных сил, они ворчали, ссорились, голод их сделал алчными, укусы насекомых — раздражительными, их воспаленные от бессонницы и усталости глаза сверкали мрачным блеском. Но они шли вперед, они не утратили веру в него, их вождя, они, как и прежде, были готовы перегрызть горло империализму, они с честью выдержали испытание. Такие не подведут!

19 марта, на 48-й день, отряд приблизился к базовому лагерю. Но радоваться было рано. Над отрядом стал описывать круги военный разведывательный самолет. Наконец, вечером партизаны встретились с поджидавшим их Негро, перуанским врачом. Он рассказал Че новости. В базовом лагере с 5 марта находились Дебрэ, Таня, Чино — прибывший из Гаваны, Мойсес с группой своих людей, Пеладо — аргентинец Сиро Роберто Бустос. Это, конечно, были приятные новости. Но неприятных было больше: «Каламина» обнаружена боливийскими властями. Двое из добровольцев Мойсеса Гевары дезертировали и по-видимому все рассказали властям в Камири, если до них этого не сделал сосед Альгараньяс. Вблизи базового лагеря появились солдаты (те самые, которые шли по следам Маркоса). 17 марта в их руки попал еще один доброволец из группы Мойсеса — некий Салючо.

Затем на ранчо нагрянула полиция, все там перерыла и, судя по всему, обнаружила «улики» пребывания партизан: политическую литературу, а возможно и еще кое-что, хотя в свое время Че и дал строжайший приказ «почистить» ранчо под метелку. Налет полиции произошел три дня тому назад. С тех пор над базовым лагерем и его окрестностями постоянно кружил военный самолет, а поблизости видели колонну солдат из 60 человек, прочесывавших местность. В любой момент солдаты могли наткнуться на партизан и открыть огонь, а это означало бы начало военных действий.

В отсутствие Че такая перспектива вызвала среди обитателей главного лагеря, а их собралось там к тому времени около 30 человек, весьма тревожное, если не паническое, настроение. 20 марта Че записывает в дневнике: «Здесь царит совершенно пораженческая атмосфера... От всего этого — ощущение ужасного хаоса. Они совершенно не знают, что надо делать». Ознакомившись с положением, Че стал наводить порядок: наладил охрану лагеря, укрепил дисциплину, стал готовить людей к походу, ибо оставаться в лагере было небезопасно: теперь, когда о его существовании стало известно властям, он превратился в своего рода мышеловку.

20 и 21 марта ушли на сборы и переговоры Че с перуанцем Чино, аргентинцем Пеладо, Дебрэ и Таней. Чино, вернувшийся с Кубы, был полон самых радужных надежд относительно организации партизанских действий в Перу. «Он, — записывает Че в дневнике, — намерен начать их с группой в 15 человек, причем сам он будет командующим зоной в Аякучо. Договорились также, что я приму от него пять человек в ближайшее время, а позже — еще 15. Затем они вернутся к нему, после того как обстреляются у меня... Чино кажется очень воодушевленным».

Не менее многообещающими были и беседы с Пеладо, который, как пишет Че, был готов поступить в его распоряжение. Он согласился возглавить в Аргентине группу сторонников Че, которая должна была начать действия на севере этой страны.

Беседа с Таней была менее приятной: на этот раз она нарушила правила конспирации, заявившись без надобности в лагерь и задержавшись сверх меры в ожидании Че. Ее видело слишком много людей, в том числе двое сбежавших дезертиров. Все это поставило под удар не только ее личную безопасность, но и чрезвычайно важную для Че работу, которую она выполняла в Ла-Пасе. Че еще не знал, что джипом, оставленным Таней в Кампри, уже завладела полиция, обнаружив в нем различного рода записи и адреса, которые приведут к провалу всей Таниной группы.

Необходимо было с максимальной быстротой уходить из основного лагеря, где их могли в любой момент окружить правительственные войска. Оставалось лишь надеяться, что войска, если и заявятся сюда, то все-таки не обнаружат тайников. Теперь успех герильи будет зависеть от ее маневренности. Она должна на некоторое время исчезнуть, испариться, превратиться в «кочующую» герилью, в герилью-призрак, герилью-невидимку. И если она вновь обнаружит себя, то только там, где ее меньше всего ждет враг. Че прекрасно владел искусством партизанской войны и был убежден, что ему удастся перехитрить боливийских генералов, привыкших сражаться против незащитного народа.

Отряд весь в сборе — вместе с новичками и гостями в нем 47 человек, пора и выступать. Вперед же, славные бойцы революции! Победа или смерть! Третьего вам не дано...

Окончание следует

